

Весьма интересным является описание акта жертвоприношения, являющегося неотъемлемым атрибутом практически всех календарных праздников осетин. Автор книги рассматривает жертвоприношение через призму традиционного миропонимания осетин, воспринимавшего человека как часть породившей его природы и изначально включенного в сложный космический мир с сакрализованными предыдущими поколениями объектами и явлениями природы.

В этой главе автор дает характеристику и другим основным продуктам традиционного осетинского застолья — мясу и пиву, особо отмечая при этом важную роль пива в религиозно-магических обрядах прошлого, а также его место в сложной системе космогонических воззрений осетин.

В последнем разделе III главы — «Святости застолья» — описан ритуал традиционного осетинского застолья. Автор книги исследует не только мифоритуальную сторону осетинского праздника, но и его социальную функцию, что не менее важно для более глубокого понимания внутренних связей, обеспечивавших функционирование традиционного осетинского общества как сложного этносоциального организма.

В заключении III главы автор обращает внимание исследователей на необходимость проведения работы по сбору, систематизации и интерпретации молитвословий как одного из интереснейших, но до сих пор не изученных элементов традиционной духовной культуры осетинского народа, неотъемлемой части любого ритуального пиршества.

IV глава посвящена развлекательной стороне осетинского праздника. В первом разделе указанной главы автор впервые в отечественной этнологической науке предпринимает весьма удачную, на наш взгляд, попытку систематизации и функционального анализа религиозно-магической, развлекательно-эстетической и дидактической функций осетинской народной хореографии. Аналогичную попытку предпринимает Вилен Уарзиати и по отношению к другой малоизученной стороне традиционной праздничной обрядности, каковой является обрядовое ряжение, занимавшее в прошлом важное место не только в календарной, но и в семейной обрядности осетин.

Заключает книгу раздел, посвященный описанию разнообразных видов конных игр и состязаний — скачек и джигитовок, являвшихся неотъемлемым элементом многих календарных и семейных праздников осетин. Читатели найдут здесь описание такой популярной в прошлом конной игры, как игра с флагом (*тырыса скъафан*), описание ряда скачек и конных игр, связанных с поминальной обрядностью, а также широко бытовавшего в прошлом у осетин обряда посвящения коня покойнику — *баех-фелдисаен*.

Отличительной особенностью книги является отсутствие академической сухости изложения, порой свойственной подобным научным изданиям. Написанная живым, увлекательным языком, книга заставляет по-новому посмотреть на многие, казалось бы, известные стороны традиционного быта осетинского народа, увидеть в них отражение мифологической, космогонической и философской мысли далеких предков, другими глазами посмотреть на уникальное культурное наследие народа и место его в мировой цивилизации.

Несомненно, монография «Праздничный мир осетин» привлечет внимание всех, кого интересует этнография осетинского народа.

А. Б. Дзадзиев

© 1996 г., ЭО, № 5

Национально-культурные автономии и объединения. Историография. Политика. Практика. ТТ. I—III М., 1995. Т. I. 316 с., Т. II. 317 с., Т. III. 300 с.

Антология, составленная М. Н. Губогло и И. В. Нам, выпущена под редакцией М. Н. Губогло в серии «Национальные движения в СССР и в постсоветском пространстве» при финансовой поддержке независимого благотворительного фонда «Форос». Антология — не очень строгая форма подбора материалов, оставляющая составителям значительную свободу действий, и настоящий сборник содержит большое количество текстов разных жанров и разной тематической направленности.

Первый том включает в себя, помимо двух предисловий (соответственно от редактора и от составителей), объясняющих цели и задачи публикации, статью М. Н. Губогло «Тактика и стратегия национальной автономизации и деавтономизации в посткоммунистической России», содержащую анализ возможных направлений национальной политики в стране, 9 авторских материалов начала XX в., посвященных идее национально-культурной автономии (извлечения из монографий известных теоретиков австрийской социал-демократии Карла Реннера (Р. Шпрингера) и Отто Бауэра, а также работы отечественных авторов М. Б. Ратнера, В. Медема, М. Грушевского и др.), 6 статей современных российских специалистов по этническим проблемам и 26 документов российских политических партий начала века.

Во втором томе, кроме редакторского предисловия и двух статей, написанных И. В. Нам и М. Н. Губого, приведены документы и материалы, отражающие историю движений за конституирование экстерриториальной автономии мусульман и евреев России в 1917 г., планы национальной автономии казахов того же времени, украинский опыт национально-персональной автономии 1917—1918 гг., планы сибирских областников по введению персональной автономии, попытки ее формирования в Дальневосточной Республике 1921—1922 гг. Во второй том включены также некоторые нормативные акты 1990—1994 гг. или извлечения из них (включая Конституции республик в составе РФ), проект Федерального Закона «О национально-культурном объединении граждан», разработанный группой экспертов Комитета по делам национальностей Государственной Думы РФ в апреле 1995 г., и более 30 документов современных политических партий и общественных организаций, действующих на территории РФ.

Третий том включает в себя предисловие редактора, две вводные статьи: С. М. Червонной «Защита прав народов Европы» и Р. А. Тузмухамедова «Права и свободы народов», заключительную статью М. Н. Губого «Правовые основы формирования индивидуальной и групповой идентичности национальных меньшинств в постсоветском пространстве», извлечения из ряда нормативных актов зарубежных стран, международно-правовых документов и документов международных неправительственных организаций и несколько авторских материалов справочно-аналитического характера.

Стоит особо отметить, что некоторые документы (решения Сибирской областной Думы и Временного правительства автономной Сибири 1917—1918 гг., нормативные акты Украинской Народной Республики 1918 г. и Дальневосточной Республики 1921—1922 гг., декларации сибирских областников и других общественных движений периода Октябрьской революции и гражданской войны) публикуются либо вообще впервые, либо впервые в современной литературе после многолетнего забвения. Подборка этих материалов (Т. II) — результат работы сотрудников Томского университета И. В. Нам, Э. Л. Львовой и Н. И. Наумовой, занимающихся историей идеи персональной автономии в России начала XX века, — представляет собой едва ли не самую интересную и содержательную часть сборника. Не меньше интереса представляют и извлечения из работ отечественных теоретиков «национального вопроса» начала века — М. Б. Ратнера, В. Медема, М. Вишняка, Б. Плетнева и др. — мало знакомых современному читателю.

Можно во многом согласиться с выражением составителей сборников — «богатство прошлого и бедность настоящего» (Т. I, с. 15). Дело не в том, что документы и авторские работы начала века несут в себе какие-то новые, не знакомые нам идеи и решения, тем более готовые для практического использования — это как раз сомнительно. У теоретиков того времени стоит поучиться другому — глубине и логичности аргументации, ясности и прагматизму мышления, вниманию к деталям и пр. — всему тому, что сейчас остается в остром дефиците. В любом случае труды этих авторов почти свободны от привычной нам демагогии (речь не идет о радикалах типа вождей РСДРП(б)), и в них не найдешь выражений вроде «национального возрождения», «свободы национального развития», «свободы народов» и т. п.

Как отметил редактор антологии (Т. I, с. 12—13), разных интересных материалов отечественного и зарубежного происхождения, имеющих отношение к автономии и защите меньшинств, много, поместить их все в один сборник невозможно. Однако сборник преимущественно документальных материалов — это нечто иное, чем статья или монография, и к нему можно предъявлять иные требования, прежде всего, в отличие от авторского материала, критиковать за то, чего в нем нет. Составители сборника во введении ясно дали понять, что не собирались мелочиться (см. Т. I, с. 12) и ставили перед собой только ширококомасштабные задачи, имеющие большое общественное значение, а значит, сами запросились на подобного рода критику. Целый ряд замечаний выстраивается после сопоставления полученных результатов с заявленными целями работы по «созданию серьезной информационной базы».

В сборнике мало собственно оригинальных публикаций, то есть текстов, не приводимых ранее в современных изданиях, доступных массовому читателю. Большинство помещенных в антологию материалов — это компиляция второго, третьего, если не большего порядка. Например, в трех томах антологии приведено 109 современных документов, выпущенных органами государственной власти, межгосударственными и неправительственными организациями. Только 6 из них являются перепечатками официальных публикаций (в том числе 3 — официальные документы РФ, 2 — зарубежных стран, 1 — международной организации) и 5 документов неправительственных организаций приводятся непосредственно по публикации в партийном издании или с оригинала. 86 документов — это компиляции второго и третьего порядка, то есть перепечатки из других документальных сборников, причем увидевших свет недавно и распространяемых в том же кругу, что и рассматриваемая антология¹.

Насколько оправдано то, что очень разные (и по жанру, и по тематике) материалы соединены, так сказать, в одном флаконе? Надо учесть, что антология — это издание, выходящее микрокопическим тиражом следом за другими близкими по тематике сборниками; потребность читателей в разных материалах о теории и практике защиты меньшинств по-прежнему велика, а возвращение к этой теме и подготовка новой компиляции (иными словами — получение гранта на такую работу) — проблематичны. Какая стратегия, имеющая цель принести читателю максимальную пользу, может быть в принципе избрана составителями? Вероятно, либо — собирать и печатать ранее не известные и труднодоступные материалы, либо сосредотачиваться на подборе текстов, связанных с узкой проблематикой.

В данном случае мы не видим ни того, ни другого, и избранный вариант едва ли можно расценивать как оптимальный.

Трудно отделаться от ощущения, что у разных разделов антологии разные читатели. Экспертам, занятым подготовкой и анализом нормативных актов, не интересны документы современных российских партий (каждый, кто мало-мальски знаком с деятельностью последних, согласится, что это — не кладезь премудрости). Наоборот, современные партии — это специфический предмет исследования, и тем, кто им занимается, не пригодятся международно-правовые документы. Изучающим современные дискуссии в области «национальных отношений» едва ли нужны материалы об общественных движениях начала века. Исследователи, занятые анализом возможных форм культурной автономии, вряд ли станут читать декларации общественных движений, как российских, так и международных. Всевозможных самостоятельных общественных объединений, развивающих фантастические идеи, клонящиеся к спасению родины, нации, аборигенных народов, цивилизации и пр. (нужно подчеркнуть, ненужное зачеркнуть) — немеряно, все они по-своему любопытны, но не более того.

Возможно также, что вместо извлечений из известных и доступных текстов, занимающих немалый объем, в антологию с большей пользой можно было бы поместить библиографическую справку — список работ по соответствующим проблемам, опубликованным в последние годы.

Какую цель преследовали составители антологии? Хотя во вводных статьях как будто сделана попытка объяснения, многое остается неясным.

У отечественного читателя термин «национально-культурная автономия» прочно ассоциируется с экстерриториальной автономией. Тот, кто интересуется именно этим предметом, будет несколько разочарован — более половины материалов сборника имеют отношение совсем к другим проблемам. Из написанного редактором антологии предисловия можно понять, что выражение «национально-культурная автономия» понимается им широко, в том числе и как автономия территориальная. Все равно, трудно объяснить, какое отношение к культурной автономии имеют, например, цитаты из конституций республик в составе РФ, документы Шенгенской по безопасности и сотрудничеству в Европе, статьи Р. А. Тузмухамедова и С. М. Червонной о коллективных правах и пр. Можно предположить, что эти материалы «ассоциативно затрагивают», как изящно выразились составители (Т. I, с. 20), тему культурной автономии: последняя связана с меньшинствами, и в документах СБСЕ что-то написано про меньшинства — значит, документы СБСЕ можно считать посвященными проблемам культурной автономии.

Вместе с тем, многие интересные материалы, имеющие непосредственное отношение к разным формам автономии и ранее в нашей стране не публиковавшиеся, в сборник не вошли и даже не заслужили упоминания в авторских статьях. Нашим читателям наверняка были бы полезны сведения о Кипре, где в полном объеме была материализована (с отрицательным, правда, результатом, что поучительно) идея «консоциальной демократии» и сословно-корпоративной автономии. Заслуживает внимания современный опыт Бельгии и Германии, где осуществляется внегосударственное культурное самоуправление датского и сорбского меньшинства. Весьма интересны формы взаимоотношений между государством и неправительственными организациями меньшинств в англо-саксонских странах, которые могут рассматриваться как вариант экстерриториальной автономии. Если об австралийской практике есть публикации на русском языке², то об опыте США и Канады (исключая конституционные реформы и отношения с Квебеком) российским читателям известно очень мало. Интересный опыт территориальной автономии накоплен в Финляндии, Нидерландах, Великобритании, Италии, Индии, и публикаций на эти темы тоже не хватает.

Скорее можно сказать, что антология главным образом посвящена проблеме защиты меньшинств. Но и в этом нет полной уверенности: во многих сборниках на эту тему материалы затрагиваются лишь «ассоциативно», а большинство важнейших текстов осталось за бортом. Например, Статья I Международного Пакта о социальных и культурных правах и Статья I Международного Пакта о политических и гражданских правах, декларирующие «право народов на самоопределение», как и другие материалы о т. н. «правах народов» отношения к реальным проблемам защиты меньшинств не имеют. Весьма затруднительно объяснить, почему в сборнике (Т. III) приводятся разные декларации, являющиеся продуктом общественной самостоятельности, но нет текста Рамочной Конвенции Совета Европы по защите национальных меньшинств 1994 г. и Пояснительного Доклада к ней³. Между тем, именно Конвенция о меньшинствах приобретает особое значение для России в связи со вступлением РФ в Совет Европы: в соответствие с ней в скором времени придется приводить законодательство и дальнейшую законодательную деятельность.

Из нескольких высказываний редактора и составителей сборника можно понять, что преследовалась цель отразить главные тенденции дебатов по «национальному вопросу». Если так, то эта задача осталась не решенной. Так, по материалам сборника очень трудно составить представление о различиях между основными конкурирующими точками зрения, как минимум — сторонниками и противниками идеи «коллективных прав» и о том, к чему сводятся основные аргументы обеих сторон. Если трудно подобрать статьи отечественных авторов, отражающие эту проблематику, можно использовать работы зарубежных экспертов, например, Специальные доклады ООН по проблемам меньшинств, в которых сжато сформулированы основные теоретические проблемы и разногласия.

Из того, что значительный объем отведен под статьи составителей, и из самих статей можно вывести и иную мотивацию: не просто познакомить читателя с некоторым числом документов и авторских материалов, а изложить таким образом развернутую систему аргументов в пользу взглядов

или подходов, которые составители считают правильными. Рассуждения составителей антологии и близких к ним по взглядам авторов, чьи статьи приводятся в сборнике, заслуживают отдельного разговора, и я ограничиваюсь лишь кратким комментарием.

Ничего не имею против агиток при условии, что в них четко показано, за что, против чего и почему выступают авторы. В данном же случае выявить позицию составителей не очень просто, во-первых, из-за нечеткости в использовании базовых терминов, во-вторых, из-за внутренних противоречий в позиции составителей, прежде всего М. Н. Губогло.

Так, сложно оценить, какой именно смысл вкладывается в понятие «культурно-национальная автономия» — совокупность ли это неправительственных организаций, объединяющих лиц определенной этнической принадлежности или это централизованная публично-правовая корпорация или любая форма организации местного самоуправления, включая территориальное, выполняющая в числе прочего функцию удовлетворения культурных запросов граждан, или это государственные культурно-просветительские учреждения, обслуживающие граждан, принадлежащих к одной этнической или языковой группе. Не очень ясно, как авторы толкуют понятие «коллективные права», между тем оно имеет как минимум три разных прочтения: права индивида, реализуемые только в коллективе совместно с другими людьми (право на ассоциацию, на забастовку), «специальные права», предоставляемые индивидам в силу их принадлежности к определенной социальной категории, и «групповые права», приписываемые группе как таковой.

Основное противоречие в текстах, написанных составителями: если отказ от выделения «группового субъекта права» и предоставление гражданам свободного выбора этнической идентичности, языково-культурной ориентации (Т. III, с. 289) и форм общественного объединения (Т. I, с. 52) подается как новый (по отношению к чему? — А. О.) прогрессивный подход (Т. I, с. 9—10, 46—48), то зачем нужны все последующие разговоры о «правах народов» (Т. II, с. 35—48) и тем более о создании новой отрасли права — «национального права» (Т. II, с. 37, 48, Т. III, с. 288)? Имеющегося правового инструментария для этих целей более чем достаточно. Если национальности должны быть конституированы как субъекты права, то может ли идти речь о многообразии форм объединений граждан? Наоборот, вполне адекватной была бы модель монополярной корпорации с жесткой вертикальной структурой, предложенная К. Реннером (Т. I, с. 12, 37). Как же тогда быть со свободой выбора гражданами языково-культурной ориентации? Негативное отношение к государственному патернализму можно понять (Т. I, с. 10—11), но кто должен выделять ресурсы на школу и прочую, скажем так, культурную инфраструктуру? В наших условиях эту роль может выполнять только государство, но если правительство выделяет на что-то деньги налогоплательщиков, оно должно и жестко контролировать их расходование. Если «культурно-национальная автономия» — это финансируемые и контролируемые государством учреждения, то какая существенная роль отводится «национально-культурным объединениям граждан»?

Суммируя изложенное составителями сборника и особенно принимая во внимание характер риторики, можно прийти к выводу, что они, составители, выступают за использование на практике в разных (но не указанных) формах идеи «групповых прав». Этим можно, в частности, объяснить, почему в антологии появились статьи Р. А. Тузмухамедова и С. М. Червонной о «правах народов».

Необходимость и возможность пополнения современного политико-правового инструментария «групповыми правами» — дело, мягко говоря, весьма спорное, и для освещения этого вопроса требуется аккуратное изложение дефиниций, а также аргументов и контраргументов сторон, чего в антологии нет — ни в авторских статьях, ни в подборке документов.

Можно предположить, что проблема частично сводится вот к чему. Давней бедой гуманитариев, и не только у нас в стране, является восприятие этнических групп, во-первых, не просто как статистических или символических общностей, а как своего рода «социальных организмов», во-вторых, как реальных субъектов общественных отношений, условно говоря, «коллективных личностей». Некоторые действительно так думают, а многие просто не рефлексируют и не отдают себе отчет в том, какого рода терминологией пользуются и как этот понятийный аппарат воздействует на их мышление.

Статьи составителей и почти всех современных авторов, цитируемых в антологии, буквально пронизаны группоцентристской риторикой; выражения типа «права национальных групп», «развитие национальностей», «отношения между государством и национальностями», «мобилизация этносов», «право национальностей и национальных меньшинств на самозащиту» — встречаются сплошь и рядом.

Антология неплохо иллюстрирует одну проблему. Даже если бы составители захотели подобрать публикации отечественных авторов, не основанные на парадигме «коллективной личности» и свободные от соответствующей риторики, им было бы непросто это сделать. Почти все, кто пишет про «национальный вопрос», продолжают одну и ту же традицию, и в большинстве даже не отдают себе в этом отчета. Эксперты, последовательно, без двоюмыслия проводящие совершенно иной подход, есть, но они почти не публикуют работы по соответствующей тематике, и все разногласия не выходят из думских кулуаров.

Остается надеяться, что выход антологии послужит хорошим стимулом и для подготовки новых документальных сборников, и для теоретических дебатов, и для конкретных исследований.

¹ Статус малочисленных народов России. Правовые акты и документы. М., 1994; Национальный вопрос в программах и документах политических партий и общественных объединений современной России. М., 1994; Конституции республик в составе Российской Федерации. Сборник документов. М. 1995.

² См., напр. Петриковская А. С. Австралийский мультикультурализм: опыт этнической политики // Этнографическое обозрение, 1993, № 2. С. 28—44.

³ Framework Convention for the Protection of National Minorities and Explanatory Report. Strasbourg, 1994.

А. Г. Осипов

© 1996 г., ЭО, № 5

Н. М. Лебедева. Новая русская диаспора. Социально-психологический анализ. М., 1995. 299 с.

Рецензируемая работа представляет собой второе в отечественной науке монографическое исследование по этнопсихологии, написанное профессиональным психологом (первое такое исследование также принадлежит этому автору)*. В монографии впервые предпринимается попытка на вполне репрезентативном материале произвести теоретико-экспериментальный этнопсихологический анализ проблемы взаимодействия русской диаспоры и «титულных» этносов (в Казахстане, Узбекистане, Эстонии и Литве, Азербайджане и Армении, на Украине).

Книга состоит из пяти основных разделов. Первый содержит описание теоретического подхода к исследовательской проблеме, задачи, гипотезы, методы исследования. В последующих разделах представлены результаты и анализ эмпирических исследований. В каждом из разделов представлены результаты социально-психологического исследования в республиках СНГ по трем основным направлениям: анализ аккультурации и трансформации этнической идентичности русских в данной республике, установки на миграцию и против нее, отношение к социальным институтам русской общины и степень включенности в их деятельность. Затем следуют данные корреляционного анализа первичных результатов, дающие представление о значимых связях между параметрами идентичности, установками на миграцию, участием в деятельности русских общих и другими показателями.

Вслед за этим вниманию читателя представляются краткие результаты факторного анализа данных, полученных с помощью опросника, содержащего набор типичных конструктов-отношений к «проблеме русских» в каждой республике во взаимоотношениях с представителями «титулных» национальностей. Эти данные позволяют судить об основных психологических дискурсах «ментальных полей» представителей взаимодействующих этнических групп в отношении данной проблемы, о степени совпадения-несовпадения их установок и представлений, а также о влиянии культурных, конфессиональных и политических факторов на эти установки.

Интересными общими выводами, которые делает автор, являются положение о стратегическом совпадении интересов личности и государства; вывод о необходимости создания условий для развития жизнеспособной русской диаспоры (как единственном пути, в котором заинтересованы все участвующие стороны), а именно дальнейшее развитие социальных институтов диаспоры, культурных центров, национальных школ и т. д. Среди условий, препятствующих выбору того или иного способа выхода человека из кризиса социальной идентичности, автор называет, в частности, манипуляцию в политических целях культурной дистанцией между «титулным» этносом и русскими, приводящую к активизации психологического механизма «сближения-отдаления» в сфере социальной перцепции взаимодействия этнических групп. Фактором «двожогого» действия в этом контексте является религия — в зависимости от конфессиональных, региональных и других условий.

В теоретическом аспекте на главном (социально-психологическом) уровне анализа автор использует модель социальной идентификации Г. Тэжфела и Дж. Тернера, согласно которой человек реализует свою базальную потребность в самоуважении через принадлежность к социальной группе. На индивидуально-личностном уровне используется эпигенетическая концепция развития личности Э. Эриксона, в которой зрелость личности понимается как «идентичность», достижение ею психосоциальной тождественности посредством включения в конкретно-историческую жизнь общества. Третий уровень теоретического анализа — макроуровень кросскультурных различий и междивизиационных контактов, рассматриваемый с позиций гипотезы С. Хантингтона о линиях будущего противостояния мировых цивилизаций и исследования Г. Триандиса о роли «ингрупп» в жизни отдельного индивида в «кол-

* См.: Лебедева Н. М. Социальная психология этнических миграций. М., 1993.